

из Петербурга в Москву» (глава «Новгород») достаточно иронически упомянул о Лафатере. Приступая к описанию внешности купца Карпа Дементыча и его семейства, писатель замечает: «Если точных не опишу портретов, то доволен буду их силуэтами. Лаватер и по ним учит узнавать, кто умен и кто глуп». ³¹ Далее следует одна из интереснейших портретных зарисовок, соединяющих в себе сатирико-бытовые и психологические элементы. Позднее в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» Радищев высказывает свою явную неудовлетворенность теорией Лафатера: «... оставим правила вероятной, но далеко распространенной и от того бессущественной его физиогномии». ³²

Весьма скептически отнесся к учению Лафатера мемуарист П. С. Батуриин. Описывая события 1790—1791 гг., он рассказывает любопытный эпизод: «... я хотел взять к себе сельскую девку простого и безвинного поведения (<...>). Между многих, которые мне рекомендованы были, выбор мой пал на одну, которой черты лица были довольно приятны, а обманчивый вид невинности казался предвещать добронравие. Я, рассматривая первые и последний по правилам господина Лафатера, мнил, что оные обещают доброту и простосердечие; однако скоро узнал, что я в заключении своем безмерно ошибался и что я не имею дару узнавать по физиогномии о свойствах людей, ибо короткое пребывание у меня сей мнимой агнессы произвело такую перемену в здоровье моем, что последствия того и поднесь чувствительны». ³³

Увлечение Лафатером и его физиогномикой высмеивает и А. А. Палицын, почитатель Руссо и переводчик «Новой Элоизы». В «Послании к Привете» (1807) он писал:

Всю подноготную Лафатерову знаем,
Недельные листы им заполняем,
И с Дидеротом мы его равняем,
Хоть тем с Лафатером лишь сходен Дидерот,
Что видел у него я в том же месте рот. ³⁴

Этот выпад имел достаточно конкретную направленность: в «Вестнике Европы» Карамзин напечатал переводную статью из «Journal de Paris» «Сравнение Дидерота с Лафатером», ³⁵ в которой говорилось о сходстве их «пламенного ума и добродушия».

Интерес к физиогномике, с одной стороны, и скепсис по отношению к ней — с другой, проявились в массовой литературе русского сентиментализма двояким образом. При создании портрета героев и особенно героинь выработался определенный стереотип. Он отражал представления о некоем идеале, воплощав-

³¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938, т. 1, с. 265.

³² Там же, т. 2, с. 50.

³³ Батуриин П. С. Записки. — Голос минувшего, 1918, № 4—6, с. 200.

³⁴ Палицын А. А. Послание к Привету. Харьков, 1807, с. 53—54.

³⁵ Вестник Европы, 1802, ч. 2, № 5, с. 39—41.